

11 ЯНВ 1962

А МОЖЕТ БЫТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРА?

ВРЕМЯ от времени, но не реже, однако, чем раз в месяц, рабаются истощенной вопль театральная общественность:

— Нужно оздоровить советскую эстраду!

— Пора уже покончить! — Пора, пора! — восклицают директора и режиссеры театров малых форм.

— Ох, давно пора, — выдыхают актеры этих же театров.

Мы приводим эту выдержку из фельетона, написанного ошине тридцать лет назад. Илья Ильф и Евгений Петров новоявили себе некоторые преувеличения. Вполне, впрочем, законные. Если не раз в месяц, то не реже чем раз в год такая тема поднимается в печати. Мы решили следовать установившейся традиции, тем более, что оснований для этого вполне достаточно.

Возвратимся к разговору, который мы вели год назад в статье, названной «Поговорим о театре эстрады». Не вобщем о советской эстраде, а о Московском театре эстрады. Тогда нас упрекали в том, что упомянутая статья испортила празднество новоселья, которое справляла эстрадная общественность, получившая новое и превосходное административное здание для своего театра. За чем, дескать, в такой торжественный день напоминать о грехах? Лучше бы поздравили эстраду.

На сей раз мы, видимо, влять не угодим тем, кто любит песнопения. Приближается ведь годовщина праздничного открытия нового здания Московского театра эстрады, обосновавшегося на Берсеневской набережной, но мы не бьем в литавры, не прикасаемся к тимпанам. А мы снова — о грехах. Что делать, пора, пора оздоровить...

Итак, прошел год. Чем же обрадовал зрителей Театр эстрады? Что внесли в сокровищницу эстрадного искусства?

Не будем томить читателей спомоком достижений и благодеяний. Снаком прямо — Театра эстрады не существует. Нет, это не наши мажоры. Точнее — это не только мажоры. Об этом говорят и выдающиеся артисты эстрады Л. Миrows и А. Менакер, драматург В. Духовичный, режиссер А. Конников и даже... главный режиссер Театра эстрады И. Шаров.

А что, собственно, находится в здании на Берсеневской набережной? Концертная площадка. Концертный зал Всероссийского гастрольно-концертного объединения. Такой же зал для концертов, как Колонный в Доме союзов, как в Центральном доме культуры Железнодорожников, как при гостинице «Советская» и т. д. и т. п.

В самом деле, что же это за театр, если он не имеет ни своей труппы, ни, что еще более важно, своего лица, своего творческого кредо, выражаемого языком науки. Все, что здесь показывалось на протяжении года, носило случайный характер. И концерты случайные, и «вечера песни», и почему-то «вечера поэзии» и так называемые эстрадные представления, наепех сколоченные, о которых главный режиссер ничего сказать разумительно не может.

По какому же плану велась эта работа? Что собственно, возглавляло художественное руководство театра? А ничего не возглавляло. Возглавлять было нечего, кроме аккомпанирующего оркестра да обслуживающего персонала. А дальше что?

Наступил новый, 1962 год. Что сегодня на афише теат-

ра? Концерты Ленинградской эстрады, вечер песни Розы Гордеевой, спектакль «Илья Муромец».

Как видите, читатель, дают что бог послал. Благо, бог послал «Рамксы», которые невинно от Театра эстрады и не по его вине проработали разглагольствуют М. Миронюк, А. Менакер и А. Велюк вот уже два года.

С таким же успехом театр может предоставить свою сцену многоколному представлению, созданному А. Конниковым, Л. Миронюком и М. Новиком, оркестру Л. Утесова, Ленинградскому театру миниатюр А. Райкина и т. д. и т. п.

А что же делают сам Театр эстрады и его руководители? Только предоставляют сцену? Разве в этом состоит их задача?

— Да, а что? — возмущается главный режиссер Всесоюзного гастрольно-концертного объединения В. Позняковский. — Ватем театру лицо?

В его труппе ровно тысяча триста артистов — весь национальный состав ВГКО. Пусть они и выступают. Пусть они и будут еще труппа, лицо театра, если, так сказать, творческий лиц.

Значит, ВГКО полагает, что находящийся в его ведении Московский театр эстрады и не должен быть никаким театром, а просто обыкновенным концертным залом, площадкой для всех, кто может и хочет ее арендовать? Да. Откуда, такую организацию творческую «переваривать» руководителю ВГКО Н. Стрельникову осуществлять дело? — надо просто сделать из зала, даваемое на Берсеневской набережной, где вместо слова «театр» будет красоваться «зал».

Неужели так-таки и будет? А как же все красивые слова насчет того, что вновь рождается Московский театр эстрады станет творческой лабораторией, экспериментальной базой для всего эстрадного искусства? А ведь в

ВГКО гремели такие слова. А где же будут группироваться лучшие драматургические силы, работающие на эстраду? А как же с мечтой, куда будут тянуться со своими предложениями и замыслами, планами и исканиями режиссеры и композиторы, художники и актеры?

Значит, все это забыто? А поиски, новаторство, изобретательство, находки? Как же так, товарищи Стрельников и Познанский, пусть театр превратится в зал? И тысяча триста артистов ВГКО будут «труппой» этого зала?

А сколько надежд возлагалось на то, что лучший артистический зал эстрады (пусть зал, а не путающийся название «театра») ВГКО сделается прокатной площадкой, а подлинным центром исканий и что малые театральные формы именно здесь найдут свое пристанище!

Разве не удивительно, что в столице, среди большого скопления театров разных направлений, не нашлось места

малым формам, что нет у нас в Москве ни постоянного театра миниатюр, ни театра обзрений, ни мюзик-холла! Ведь все это когда-то было, процветало, приносило людям часы веселья и радости.

Что, оскудела творческая энергия, и тысяча триста артистов, числящихся в ВГКО, мешают его руководителям засучив рукава, пробудиться от сна?

А может быть, действительно пора не полетаться на самотек и на явось? Может быть, помочь с востоем, в котором пребывает Театр эстрады?

Ох, пора, давно пора!

И. АДОЙ,
В. ШЕВЦОВ.